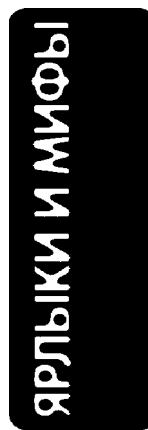

Михаил Ковалев

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

**ПРОФЕССОР А.В.ФЛОРОВСКИЙ
И ЕГО СОВЕТСКИЕ КОЛЛЕГИ¹**

УДК
94(47+100-87)
929:930

В статье рассказывается, как «железный занавес» прервал контакты А.В.Флоровского с советскими коллегами. Он смог возобновить их только в годы хрущевской «оттепели». В 1950-е гг. историк познакомился по переписке с А.А.Новосельским, Б.Б.Кафенгаузом и другими советскими коллегами. Одной из главных тем их общения становится подготовка издания «Писем и бумаг императора Петра Великого». В статье анализируются историографические и источниковедческие советы А.В.Флоровского относительно этого издания.

The article describes how the “Iron Curtain” broke the contact of A.V.Florovsky with Soviet colleagues. He was able to resume them only during the Khrushchev’s Thaw. In 1950-ies the historian met by correspondence with A.A.Novoselsky, B.B.Kafengauz and other Soviet scholars. One of the main themes of their communication becomes the preparation of “The Letters and papers of the Emperor Peter the Great”. This article analyzes the historiographic and source study suggestions of A.V.Florovsky regarding this publication.

Ключевые слова: А.В.Флоровский; Г.В.Вернадский; С.А.Фейгина; Т.А.Быкова; Т.К.Крылова; А.А.Новосельский; Б.Б.Кафенгауз; «Письма и бумаги императора Петра Великого»; Петр Великий; СССР; историография; Зарубежная Россия; идеологические кампании; эпоха Сталина; хрущевская «оттепель».

Keywords: A.V.Florovsky; G.V.Vernadsky; S.A.Feygina; T.A.Bykova; T.K.Krylova; A.A.Novoselsky; B.B.Kafengauz; “Letters and papers of the Emperor Peter the Great”; Peter the Great; USSR; historiography; Russia Abroad; ideological campaigns; Stalin Era; Khrushchev’s “Thaw”.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

¹ Продолжение. Начало см.: Россия XXI. 2016. №4.

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-4739.2016.6 «Российская научная эмиграция в Чехословакии в 1920–1940-е годы (по материалам зарубежных архивов)».

**«Железный занавес»
опускается**

В научной литературе справедливо отмечалось, что советским историкам приходилось играть по постоянно и стремительно меняющимся правилам, создававшим ситуацию

неопределенности, когда критике могли подвергнуться любой ученый и любая работа [22, с.131]. Сверху им было предписано встать в авангарде патриотической пропаганды. Они должны были не просто противостоять «буржуазной науке», но и доказывать национальные приоритеты во всех областях, научно обосновывать советскую имперскую идею, беспощадно критиковать разного рода «фальсификаторов». Вполне естественно, что в этих обстоятельствах русские историки-эмигранты в глазах советской пропаганды становились злейшими врагами. Особенно это касалось тех, кто оказался в США и преподавал в американских университетах.

Приведем в пример известную статью, которая была опубликована от имени редакции во втором номере *Вопросов истории* за 1949 г. и направлена против «буржуазных космополитов» в исторической науке [18]. Согласно справедливому мнению А.Л.Юганова, одной из причин жесткой идеологической борьбы стала реакция на американский опыт написания многотомной «Истории России», которую как раз в это время затеял в США Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) [32, с.611]². Закономерно, что журнальная статья помимо советских историков, уличенных в «низкопоклонстве перед Западом», направила острие критики в адрес ученых-эмигрантов, которых прямо обвинили в фальсификации прошлого по указанию «англо-американских хозяев»³. Если

² В 1943 г. в Нью-Хейвене вышел первый том, «Древняя Русь», в 1948 г. – второй том, «Киевская Русь». Последующие тома выходили вплоть до 1969 г. Но свой проект Г.В.Вернадский, как известно, не сумел довести до конца [5, с.103–114].

³ См.: «...история нашей Родины фальсифицируется в США и Англии русскими белоэмигрантами по указанию их англо-американских хозяев. В так называемой кембриджской истории в разделах, посвященных истории России, подвизался такой автор, как Струве, – злейший враг советского народа и гнусный ренегат. Многотомная история России, затеянная в Америке под редакцией Вернадского и Карповича, пишется силами объявивших себя космополитами русских белоэмигрантов. Политический смысл трудов этих фальсификаторов истории нашей Родины ясен: они стремятся представить русский народ находящимся где-то на задворках истории, неспособным к самостоятельному развитию. Сочиненная русскими белоэмигрантами так называемая "евразийская" концепция истории

в 1945 г. журнал *Вопросы истории* декларировал расширение научных связей советских ученых с внешним миром, призывал публиковаться на его страницах иностранных авторов, то теперь он стал проводником научного изоляционизма⁴. Иностранные историки в своем большинстве теперь рассматриваются как «апологеты английского империализма, открытые германофобы и плохо скрытые русофобы, чьи труды не имеют никакого отношения к объективной науке» [9, с.87].

А.В.Флоровский *Вопросы истории* читал и даже успел опубликовать на его страницах статью (1947) [29]. Хорошо знал он и Г.В.Вернадского, вместе которым в 1920-х гг. работал на Русском юридическом факультете, состоял членом Русского исторического общества и некоторых

Г.В.Вернадский

других эмигрантских организаций (в Праге). Оба историка активно переписывались на протяжении многих лет. Они не были близкими друзьями, во многом стояли на разных научных позициях, но, несмотря на это, глубоко уважали друг друга. Известно было А.В.Флоровскому и о текущей научной работе Г.В.Вернадского. В апреле 1947 г. он написал коллеге в США: «Знаю, что Вы издали первый том Истории России и англ[ийский] перевод Рус[ской] Правды и др. – но еще в руках не держал» [34, 29.04.1947].

Полагаю, что злобные выпады в советском журнале в адрес американского коллеги вряд ли остались незамеченными А.В.Флоровским. В сохранившихся письмах двух ученых мы, правда, не находим ни одного намека на обсуждение идеологических кампаний в СССР [2, д.171, л.30–48; 4]. А.В.Флоровский юридически уже не был эмигрантом, получив в 1946 г. советский паспорт. На научные обобщения русской истории, подобно

России имеет целью "обосновать" якобы на основе исторических "особенностей" развития России отсутствие собственных национальных корней у русской культуры и у русского государства» [18, с.5].

⁴ О метаморфозах редакционной политики см.: [9, с.77–78].

Г.В.Вернадскому, он тоже не претендовал, сосредоточившись на узких, конкретных сюжетах, довольно далеких от современных политических реалий⁵. И все же он не мог не понимать, что в глазах и советских, и чехословацких властей он не выглядел полностью благонадежным. Не будем забывать, как менялся климат в самой Чехословакии, где в феврале 1948 г. на волне острого политического кризиса к власти пришли коммунисты. Президент Э.Бенеш, хорошо знакомый русским эмигрантам, в июне ушел в отставку. В Чехословакии начал формироваться социалистический режим по советскому образцу со всеми соответствующими атрибутами: культом личности, причем не только руководителей партии, но и функционеров местного масштаба, поиском врагов, созданием лагерей принудительного труда, давлением на католическую церковь, политизацией научной и культурной жизни, гонением на «реакционные элементы» вплоть до выселения из крупных городов [31, с.89–110].

Например, семья профессора А.Н.Фатеева была выселена из знаменитого «Профессорского дома» в Праге, а его внучке было запрещено поступать в высшее учебное заведение. И это несмотря на то, что сын ученого героически погиб во время Пражского восстания в мае 1945 г. и посмертно был награжден медалью. Даже ревностный коммунист А.Л.Сидоров с некоторым недовольством вспоминал, что по примеру советской практики значительная часть научной литературы в пражских библиотеках попала под запрет и была уничтожена [20, с.432]. Все эти процессы не обошли стороной и русских эмигрантов.

Апофеозом идеологического бесовства стали показательные судебные процессы по советскому образцу и подобию. Чехословацкая интеллигенция, несмотря на достаточно прочные «левые» традиции, с настороженностью и опаской следила за происходящим. Эти настроения фиксировали в своих донесениях советские дипломаты в конце 1940-х – начале 1950-х гг. [31, с.117]. Для немалого числа интеллектуалов несогласие с новыми властями обернулось эмиграцией. Что касается А.В.Флоровского, то для него 1948 год, напротив, был ознаменован получением постоянной работы в Карловом университете, причем в должности ординарного профессора. В этом назначении однозначно сыграло положительную роль советское гражданство ученого, получен-

⁵ *Свою единственную работу, в которой была предпринята попытка обрисовать пути развития Российской империи и причины ее краха, А.В.Флоровский так и не опубликовал [8].*

ное в 1946 г. На новые коммунистические власти советский паспорт действовал магически. Указ об устройстве на работу был подписан уже новым президентом республики – Клементом Готвальдом (*Klement Gottwald*; 1896–1953). Однако еще весной 1947 г. Министерство образования и просвещения, несмотря на ходатайство философского факультета Карлова университета, отказало в назначении А.В.Флоровского ординарным профессором, мотивировав свое решение тем, что иностранец не может претендовать на эту должность. Марксистом профессор А.В.Флоровский так и не стал, о чем прямо говорилось в его личном деле [33]. Он продолжал следовать дореволюционной научной модели и потому, с точки зрения советской пропаганды, мог бы стать идеальной мишенью для обвинения в «буржуазном объективизме», «реакционных взглядах» и «космополитизме».

По словам А.Л.Юганова, дискуссии 1949–1951 гг. показали, что сталинская идеология в изучении российской и всеобщей истории с новой силой вернулась к классовому подходу [32, с.704]. Позитивистская концепция, которой придерживался А.В.Флоровский, явно не вписывалась в эту модель. Полагаю, что сам он прекрасно понимал это. Жизнь под немецкой оккупацией научила его осторожности. И в то же время его вряд ли можно назвать политическим конформистом и обвинить в лояльности новому режиму. В действительности, он всегда сторонился политики. Для него наука была смыслом жизни. Поэтому и делал он то, что было полезно для науки. Но жизнь в послевоенной социалистической Чехословакии требовала выработки новой модели поведения. Не будем забывать, что в конце 1940-х гг. страны Восточной Европы захлестнула волна репрессий и организованных судебных процессов против «врагов народа» по худшим сталинским образцам. В сентябре 1949 г. в Венгрии прошел суд над Ласло Райком (*László Rajk*) и его соратниками. 27 июня 1950 г. по сфабрикованному делу была повешена Милада Горакова (*Milada Horáková*), видный чехословацкий общественный и политический деятель. В мае 1952 г. в СССР прошел суд над членами Еврейского антифашистского комитета, по приговору которого в августе 1952 г. 13 из 15 обвиняемых были расстреляны. В ноябре 1952 г. в Праге состоялся процесс Рудольфа Сланского (*Rudolf Slánský*), большинство осужденных по которому также были казнены. В январе 1953 г. после сообщения в *Правде* в СССР было начато «дело врачей».

И всё же А.В.Флоровский и после 1948–1949 гг., когда письма из Москвы или Ленинграда внезапно перестали приходить⁶, не оставлял попыток наладить сотрудничество с советской стороной. Среди неразобранных бумаг историка в Славянской библиотеке в Праге в 2014 г. была обнаружена машинопись его обращения к советским коллегам. Кому именно было адресовано письмо, остается загадкой, ибо никаких указаний в тексте нет. Лишь в правом верхнем углу рукой историка подписано: «Передано через И.И.Удальцова 13.XI.1950». Обратимся теперь к содержанию самого письма: «А.В.Флоровский, профессор русской истории Карлова университета в Праге, в последнее время занимается историей Петра I, в особенности теми ее сторонами, которые связаны с его внешней политикой (внешняя торговля, отношения с Австрией и др[угое] и под[обное]). А.Флоровский очень заинтересован в налаживании живого личного контакта с историками Советского Союза, занимающимися специально эпохой Петра Великого. Начатая в связи с этим переписка с А.И.Андреевым прервалась уже 2 года назад. Флоровский готов оказывать посильное содействие всем историкам, нуждающимся в справках и под[обном] в иностранной литературе и под[обном], в заграничных архивах – может быть. Флоровский готов помочь подбором справок относительно заграничной литературы о Петре I и его времени за период после первой мировой войны 1914 и сл[едующих] гг., когда нарушено было нормальное снабжение русских библиотек заграничной исторической и журнальной литературой. Со своей стороны Флоровский очень нуждается в своевременном получении новых советских работ по эпохе Петра I. В частности в Праге нет до сих пор книг по истории внешней политики Петра I, Б.Б.Кафенгауза, Е.В.Тарле, нет комплекта статей Т.К.Крыловой, [С.]А.Фейгиной и др.» [35].

Факт передачи письма через Ивана Ивановича Удальцова (1918–1995) был не случаен. А.В.Флоровский имел возможность познакомиться с ним в 1949 г. в Праге, куда советский историк приезжал с лекциями [34]. И.И.Удальцов был тогда сотрудником Института славяноведения АН СССР, его партийно-дипломатическая карьера была еще впереди. Можно предположить, что А.В.Флоровский в тот момент пытался выстраивать отношения с советскими коллегами через официальных научных посредников, не исключено, что в силу осторожности. И, конечно,

⁶ Так, ни в Праге, ни в Москве не сохранилось ни одного письма от А.И.Андреева или Н.Л.Рубинштейна, написанного после 1947 г.

он искренне был убежден, что может быть полезен, а потому вновь и вновь предлагал свои услуги АН СССР. Можно подумать, что молчание Москвы смущало его и как человека с непростым характером даже обижало. Неспроста он сетовал на прерывание переписки с А.И.Андреевым. Но знал ли А.В.Флоровский о фактическом разгроме группы по изучению Петра Великого к концу 1940-х гг., понимал ли он истинные обстоятельства прерывания контактов с советскими учеными и причины молчания А.И.Андреева? Документальных свидетельств на сей счет пока не выявлено. Но, полагаю, что прекрасно понимал. А.В.Флоровский читал советскую научную периодику, которая исправно поступала в Прагу. Как человек умный, он вряд ли не замечал смену тональности статей. За его плечами был и личный опыт высылки из Советской России (1922). Можно предположить, что сказались также неудачные попытки возродить работу Археологического института имени Н.П.Кондакова. Увы, ничего неизвестно и о судьбе письма, переданного в Москву через И.И.Удальцова.

В итоге А.В.Флоровский понял, что полноценные связи с советскими учеными пока невозможны. В разгар борьбы с космополитизмом и «низкопоклонством перед Западом» под ударом оказались международные контакты советских ученых, ограничение которых стало одной из главных черт послевоенной советской научной политики. Еще в 1946 г. начинает сокращаться поступление иностранной литературы в библиотеки и исследовательские учреждения, а сами они были поставлены под жесткий цензурный контроль; запрещалась индивидуальная подписка на иностранную периодику. В итоге уже к августу 1947 г. был налажен жесткий контроль в системе получения и распределения иностранных изданий [9, с.74]. Травля профессоров-медиков Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина («дело КР») манифестировала отказ от иностранных контактов и «особую советскую науку». Официально декларировалось, что «безродные космополиты» предпочитают печататься за рубежом, а в их исследованиях доминируют ссылки на иностранную литературу. Приоритет советской науки перед зарубежной был возведен в абсолют. Прекратилось издание некоторых советских научных журналов на иностранных языках. Русский язык провозглашался «международным языком эпохи социализма» [21]. В таких условиях международные научные связи не могли развиваться, а наличие корреспондентов за пределами своей страны становилось отягчающим обстоятельством.

Конечно, после принятия советского гражданства А.В.Флоровский вел себя предельно осторожно и, по некоторым устным сведениям, даже

основательно вычистил свой архив, желая избавиться от материалов, которые могли бы скомпрометировать его. Переписка А.В.Флоровского с советскими коллегами прекращается на несколько лет, чтобы возобновиться с новой, необычайной силой уже в годы хрущевской «оттепели»⁷.

«Оттепель» и новые надежды В 1955 г. в Праге выходит работа А.В.Флоровского «Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого», которая, по мысли автора, должна была обобщить первичные итоги его исследований [28]. А в то же самое время в Москве под редакцией Б.Б.Кафенгауза готовится к изданию X том «Писем и бумаг императора Петра Великого», который выйдет из печати в 1956 г.⁸ Среди использованной при его составлении литературы мы находим и указания на недавнюю работу пражского профессора [19, т.10, с.867]. В пору начавшейся «оттепели» редакция серии вновь стремится наладить сотрудничество с иностранными учеными, причем не только из социалистических стран. К слову, уже в последующих томах «Писем и бумаг...» появятся документы из Центрального германского архива в Мерзебурге, Саксонского архива в Дрездене, Государственного архива Флоренции, Архива Венеции, Государственного архива в Цетинье, Польско-советского института в Варшаве, Венского государственного архива.

Появление нового тома «Писем и бумаг...», вероятно, послужило для А.В.Флоровского поводом к повторной попытке возобновить контакты с советскими учеными. В своей монографии 1955 г. он объяснял важность изучения петровской дипломатии в контексте общеевропейской внешнеполитической истории и апеллировал к удачному опыту советских историков: «Искренне приветствуем... обращение советской

⁷ В то же время интерес А.В.Флоровского к советской историографии не угас. В 1952 г. он опубликовал по-чешски небольшой очерк об изучении петровской эпохи в СССР, отметив огромный вклад А.И.Андреева, С.К.Богоявленского, Е.И.Заозерской, Б.Б.Кафенгауза, В.В.Мавродина, Н.Л.Рубинштейна, С.А.Фейгиной и др. (см.: [45]).

⁸ Именно Б.Б.Кафенгауз после опалы А.И.Андреева возглавит проект по изданию «Писем и бумаг...». В 1950–1952 гг. под его редакцией будет издана 2-я часть VIII тома [19, т.8, вып.2], подготовка которой была начата еще А.И.Андреевым, а также две части IX-го [19, т.9, вып.1–2]. Имена А.И.Андреева и С.А.Фейгиной были изгнаны со страниц книги.

историографии к темам истории дипломатии и русской международной политики, – эти заслуживающие полного научного внимания проблемы в былое время не пользовались особым признанием и оставались обычно на втором, третьем плане в развитии русской исторической мысли» [28, с.5–6]. Среди наиболее ценных исследований он называет работы Б.Б.Кафенгауза, В.Д.Королюка, Т.К.Крыловой, Л.А.Никифорова, Е.В.Тарле и С.А.Фейгиной.

Другим поводом стал очередной приезд в Прагу в 1957 г. А.Л.Сидорова, который к тому моменту вновь пережил идейные метаморфозы. А.В.Флоровский встретился с ним и поинтересовался судьбой «Писем и бумаг императора Петра Великого». Он поделился своими критическими замечаниями в адрес нового тома, отметил пропуски в документах и выразил готовность оказать посильную помощь в дальнейшей работе. А.Л.Сидоров рассказал А.В.Флоровскому про новейшие исследования о петровской эпохе и особо отметил скорый выход книги С.А.Фейгиной про Аландский конгресс⁹. Той самой С.А.Фейгиной, которую он еще недавно беспощадно клеймил и подвел к увольнению из Института истории. Но времена изменились, а вслед за ними в очередной раз решил меняться и А.Л.Сидоров. По приезде в Москву он поделился с коллегами впечатлениями о встрече с А.В.Флоровским¹⁰.

В конце марта 1958 г. на пражский адрес А.В.Флоровского пришло письмо из Института истории АН СССР. Оно было напечатано на официальном бланке и подписано Владимиром Григорьевичем Трухановским (1914–2000), исполнявшим в тот момент обязанности директора, и Алексеем Андреевичем Новосельским (1891–1967), заведовавшим сектором публикации. В письме рассказывалось о возобновлении в 1946 г. издания «Писем и бумаг императора Петра Великого»¹¹ и говорилось о необходимости выявления нового круга документов. Авторы признавали, что неразрешимой трудностью является использование зарубежных источников, и поэтому сотрудничество с А.В.Флоровским для них было бы крайне желательным: «Зная Вас, как исследователя, плодотворно работающего по изучению времени Петра I, мы просим Вас не отказать

⁹ Об этом мы узнаем из эпистолярного рассказа А.В.Флоровского А.А.Новосельскому в письме от 20 октября 1958 г. [39, №2].

¹⁰ На этот факт указывает содержание письма к А.В.Флоровскому от имени Института истории АН СССР от 24 февраля 1958 г. [35].

¹¹ Из письма складывается впечатление, что авторы не знали о прежних контактах А.В.Флоровского и А.И.Андреева.

сообщить свои замечания относительно издания "Писем и бумаг" Петра I, а также помочь нам своими указаниями относительно архивных собраний и коллекций Чехословакии, в которых имеются материалы о России 1-й четверти XVIII столетия (и особенно документов 1711–1712 гг.). Ваши соображения и указания о расширении источников нашего издания, а также Ваши критические замечания о нем примем с благодарностью» [35].

Получение письма воодушевило А.В.Флоровского, лучшим свидетельством чему является его пространный ответ от 23 марта 1958 г., в котором он изложил свои главные соображения («Я почитаю для себя высокой честью принять хотя бы какое-либо посильное участие в деле подготовки и обработки очередных томов замечательного научного начинания, каким является издание "Писем и бумаг Петра Великого"»). Он особо подчеркивал, что ему удалось тщательно изучить документы о дипломатических сношениях между Россией и Австрией в 1698–1726 гг. в фондах Австрийского государственного архива. Среди них были акты, письма и грамоты, связанные с именем самого Петра. Он заметил, что материалы архива, датированные событиями до 1710 г., были неплохо изучены еще дореволюционными русскими историками, работавшими над подготовкой «Писем и бумаг...», чего нельзя было сказать о более поздних документах, совершенно обойденных вниманием ученых. А.В.Флоровский сожалел, что уже два года он не может получить командировку в Вену для более глубокого изучения архива и выявления новых русских материалов. В качестве банальной причины отказа он называл нежелание выделять на поездку валюту («Я уже два года пытаюсь получить возможность поехать за этим в Вену, но мне не хотят позволить – из-за экономии валюты – истратить мои собственные деньги на эту поездку и на посещение иных заграничных архивов, куда рвусь ради петровских материалов. Не имеет возможности помочь в этом (валюта!) и наш консулат без формального толчка со стороны. А выписать сюда эти документы не решаюсь, не знаю точно, где именно имеются русские материалы, а на месте – при знании основного Фонда – это было бы и легко и полезно...» [35]).

Здесь сделаем небольшое уточнение. Отказ в обмене валюты под предлогом ее острой нехватки в банке часто служил для воспрепятствования поездки за границу неблагонадежных, с точки зрения властей, лиц. При этом официально такое путешествие никто не запрещал, но

реально без валюты его невозможно было осуществить¹². К слову, в том же 1958 г. А.В.Флоровский жаловался своему старому приятелю востоковеду В.Ф.Минорскому: «Все меня тревожит необходимость для разысканий моих попасть как-нибудь в Вену, Лондон и Париж, конечно, и в Голландию – ради дополнения моих сведений архивных. Но это теперь так трудно из-за валютных стеснений у нас, что прямо руки опускаются. Надо бы в свое время завести какой-нибудь значительный денежный фонд за границей, чтобы отсюда ехать совсем без денег!» [1, д.845, л.17 об.].

А.В.Флоровский. 1950-е годы

Остановимся подробно на критических замечаниях со стороны А.В.Флоровского на X том «Писем и бумаг», которые важны с точки зрения не только взгляда из-за границы, но и взгляда представителя дореволюционной научной школы на работу советских историков. Так, в письме от 23 марта 1958 г. он рекомендовал опубликовать не только русский, но и немецкий текст русско-прусского договора в Мариенверде 1709 г.¹³; дать комментарий относительно судьбы архива шведской королевской канцелярии, захваченного русскими под Полтавой; скорректировать рассказ о русской оккупации Спиша; внести уточнения в именной указатель и т.д. К тому же, он советовал помещать в каждом томе «итинерарий Петра Ве-

ликого»¹⁴: «Это очень нужная практически вещь, – и никто лучше этого не может сделать, как редакторы этого издания, своего рода дневника

¹² Благодарю за эти сведения моих чешских коллег докторов Отакара Хулеца (Otaakar Hulec) и Зденека Полачека (Zdeněk Poláček).

¹³ «Ведь и русский и немецкий тексты одинаково действенны и полноплавны, и вне России царские обязательства цитировались и понимались по немецкому тексту. Параллельное чтение этих текстов может быть поучительно и со стороны формулировки известных тезисов, это при том, что между двумя текстами нет никаких различий».

¹⁴ Имеется в виду хроника поездок царя.

жизни царя. Конечно, такие поденные записи имеются в Журнале Петра Великого, но он далеко, а письма и бумаги под руками» [35].

А.В.Флоровский говорит о важности использования уже опубликованных иностранных источников, например венгерских материалов, касающихся сношений Петра Великого с Ференцем Ракоци. Он обрисовывает документы об императоре, хранящиеся в чехословацких архивах, и, в частности, бумаги о посещении царем чешских земель в 1698, 1711 и 1712 гг. К ним относились, например:

- документы из фонда бывшего австрийского канцлера графа Кауница в Брно (документы об австрийской миссии князя П.А.Голицина, проект залога Тешинского и Кладенского графств России в 1703 г. и др.);
- письма императора Леопольда I о встрече с Петром Великим в Вене в 1698 г. из собрания графа Штернберга в Национальном музее в Праге (Národní muzeum);
- донесения австрийского посла в России в 1721–1723 гг. графа С.Кинского в Земледельческо-лесном архиве города Дечина (Zemědělsko-lesnický archiv v Děčíně);
- переписка чешских иезуитов, работавших в России в 1684–1719 гг. [25]¹⁵.

Важно еще и то, что А.В.Флоровский дал в своем письме широкие историографические указания, основанные на глубоком знании чешской, польской, немецкой, венгерской историографии (В.Лёве, Й.Фельдман, А.Баллаги, А.Гаспаржикова, И.Лукинич и др.). Вряд ли кто-то из ученых в СССР в тот момент мог похвастаться такими познаниями. «Итак, прошу располагать мною – пока могу – охотно сделаю все нужное. Если нужно – я пришлю список всех актов за подписью Петра I, что встретил в изученных мною фондах венского архива. А далее – нужно выяснить, чем бы и в какой форме мог бы я участвовать в дополнительной обработке этих и иных материалов для соответствующих томов», – подытоживал в марте 1958 г. свое обширное письмо пражский историк [35].

¹⁵ С 1956 г. Земледельческо-лесной архив стал частью Государственного областного архива в Литомержицах (Státní oblastní archiv v Litoměřicích). Изученные А.В.Флоровским документы находятся в специальном фонде: Fond 27. Rodinný archive Kinských a Preysingů.

«Можно надеяться, что благодаря все растущим связям ученых СССР с учеными стран народной демократии...»

Письмо А.В.Флоровского было получено, внимательно изучено и вызвало большой и неподдельный интерес. Об этом свидетельствует подробный ответ от А.А.Новосельского, заведовавшего

Сектором источниковедения и издания исторических источников дооктябрьского периода, в сентябре 1958 г. Советский историк поблагодарил своего коллегу и выразил особую признательность за ценные историографические указания, которые, по его убеждению, кроме всего прочего, будут способствовать пополнению Библиотеки Академии наук новыми зарубежными изданиями. А.А.Новосельский понимал, что материалы Венского архива, тщательно обработанные А.В.Флоровским, представляют для советских историков огромный интерес не только в силу своей исторической уникальности, но и в силу их практической недоступности. Поэтому предложение А.В.Флоровского прислать в Москву список документов 1711–1712 гг., касающихся жизни и деятельности Петра Великого, вызвало с его стороны одобрение и воодушевление. На архивные поиски А.В.Флоровского, в том числе на попытки выяснить судьбу шведской королевской канцелярии после Полтавской битвы, в СССР обратили пристальное внимание. В ответ А.А.Новосельский обещал поделиться сведениями о документах, собранных в свое время Комиссией по изданию писем и бумаг Петра Великого. Он кратко ознакомил своего коллегу с ходом работы над новым, 11-м, томом «Писем и бумаг...», которую планировали завершить к 1959 г. А.А.Новосельский увидел в сотрудничестве с пражским профессором долгожданную возможность возобновления научных контактов с иностранными учеными, прерванных в конце 1940-х гг.: «Можно надеяться, что благодаря все растущим связям ученых СССР с учеными стран народной демократии, легенды под документами Петра I, и особенно под договорами России с другими странами, обогатятся в ближайшем будущем ссылками на современные зарубежные архивные фонды» [39, №1].

С этого письма начинается активная переписка А.В.Флоровского с А.А.Новосельским. В ответном письме в октябре 1958 г. Антоний Васильевич выразил советскому коллеге благодарность за помощь и приложил обещанную справку из Венского архива. Он поведал, что важнейшим книжным собранием для его работы над петровской тематикой стала библиотека Е.Ф.Шмурло, приобретенная Славянской библиотекой

в Праге¹⁶. В этом же письме профессор осведомился о судьбе архива Е.Ф.Шмурло, который (в составе Русского заграничного исторического архива, или РЗИА) оказался в Москве после II мировой войны. А.В.Флоровский упомянул о двух сундуках с материалами, собранными историком во время своей работы в Италии. Советские ученые толком ничего не знали о фонде Е.Ф.Шмурло, ведь вплоть до конца 1980-х гг. получить доступ для работы с документами бывшего РЗИА, большая часть которых оказалась в Центральном государственном архиве Октябрьской революции¹⁷, было крайне сложно. В том же октябрьском письме 1958 г. А.В.Флоровский рассказал о найденной Е.Ф.Шмурло грамоте Петра Великого капуцинам 1705 г., опубликованной в Варшаве (1928), по мнению А.В.Флоровского, «весьма неудачно» и с «ошибочными комментариями». Он настаивал на необходимости ее републикации в «Письмах и бумагах» [39, №2, 14]. Но, вопреки обещаниям советских коллег [39, №15], она так и не была издана впоследствии. В конце 1950-х гг. А.В.Флоровский подготовил статью об этой грамоте, послал ее в Москву в надежде на публикацию в «Проблемах источниковедения» [39, №17], но печатная судьба этой работы неизвестна¹⁸.

А.В.Флоровский охотно делился с А.А.Новосельским информацией о своих архивных находках. Например, в 1958 г. он рассказал о материалах, касавшихся взятого в русский плен в Спише секретаря Карла XII Отто фон Клинковстрёма (*Otto Vilhelm Klinckowström*; 1683–1731). В Венском архиве сохранились протокол его допроса, состоящий из ответов на 95 вопросов, и копии его собственных писем, в том числе Карлу XII, Станиславу Лещинскому и Юзефу Потоцкому. Историк полагал, что русское командование послало эти материалы царю, который в указах П.М.Апраксину (1710, 1711) обмолвился об О. фон Клинковстрёме. А.В.Флоровский пытался выяснить, имеются ли в советских архивах материалы об этом деле. Сюжетом этим он интересовался в контексте изучения оккупации русскими Спиша в 1710 г., которая хоть и не имела серьезного влияния на ход Северной войны, зато «сильно всколыхнула отношения в Австрии, Угрии, Польше и т.д.!» [39, №2].

¹⁶ «При этом Шмурло сам всегда говорил, что его интересует Петр Великий только до Полтавы, его становление, но не его зрелость и полный расцвет. Для времени после 1709 г. Шмурло как-то не собирал уже материала, и в библиотеке его имеются огромные лакуны...» [39, №2].

¹⁷ Ныне Государственный архив Российской Федерации.

¹⁸ В личном фонде историка в Праге сохранилась авторская рукопись этой работы [40].

В скором ответе в декабре 1958 г. А.А.Новосельский, явно желая отблагодарить А.В.Флоровского, сообщил, что архив Е.Ф.Шмурло действительно находится в Москве, и что в скором времени некоторые документы из него будут опубликованы [39, №4]¹⁹. В том же письме содержалась информация, что интересующие А.В.Флоровского документы о суде над генерал-фельдмаршалом Генрихом Гольцем (1648–1725), рассорившимся с А.Д.Меншиковым, ослушавшимся Петра Великого и потому в 1711 г. высланным за границу, хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА)²⁰ и пока не стали предметом научного изучения.

Для А.В.Флоровского общение с А.А.Новосельским было важно и интересно не только в плане обмена информацией, но также с целью выяснения возможностей публикации своих работ в СССР. Так, в мае 1960 г. он написал в Москву о неизвестном воззвании Петра Великого к шведам под Полтавой и попросил у своего коллеги содействия для напечатания статьи в *Истории СССР* или *Историческом архиве*. Эта информация привлекла внимание Л.Г.Бескровного и Б.Б.Кафенгауза, готовивших сборник статей к юбилею Полтавской битвы. Они предложили опубликовать в нем статью А.В.Флоровского вместе с текстом самого воззвания, который впоследствии планировали поместить в «Письмах и бумагах...» [39, №6, 8]. А.В.Флоровского это предложение воодушевило, и он быстро подготовил обещанный материал [24, с.359–362]. Вскоре появилась его статья об архиве Карла XII и в другом юбилейном «полтавском» сборнике [26, с.236–244]. Оба издания он воспринимал как некое продолжение андreeвского сборника «Петр Великий» (1947). К слову, в 1940-х гг. А.В.Флоровский так и не успел получить от А.И.Андреева это издание. Потому в марте 1960 г. он попросил А.А.Новосельского разыскать для него книгу в Москве. Но ничего из этого не вышло – ее давно не было в продаже [39, №16, 19].

Вообще, А.В.Флоровский нередко просил А.А.Новосельского посодействовать в приобретении нужной ему советской литературы. Напри-

¹⁹ Действительно, материалы фонда Е.В.Шмурло были использованы для подготовки XI тома «Писем и бумаг». В этом велика была заслуга Б.Б.Кафенгауза, который добился допуска к архиву историка и подготовил к публикации несколько документов из него [7]. Примечательно, что принять участие в этом сборнике статей пригласили двух ученых-эмигрантов – самого А.В.Флоровского [30] и его коллегу из Скопье В.А.Мошина [16].

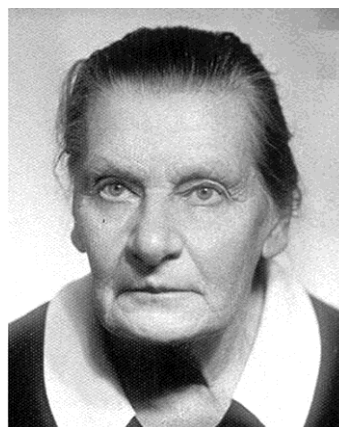
²⁰ Ныне Российский государственный архив древних актов.

мер, ему требовалась книга Леонида Алексеевича Никифорова (1911–1987) о Ништадтском мире, чрезвычайно важная для разработки русско-австрийских отношений 1718–1720 гг., которую он не смог купить в советском книжном магазине в Праге, и многострадальная монография С.А.Фейгиной об Аландском конгрессе, чей выход некогда притормозили идеологические кампании 1940-х гг. А.А.Новосельский исполнил просьбу коллеги. Его же стараниями А.В.Флоровский получит фотокопию грамоты Максимилиана I из ЦГАДА [39, №6, 8, 9].

**«С особым чувством
направляю это письмо...»**

А.В.Флоровский был заинтересован в получении микрофильмов уникальных книг, недоступных ему. Он налажил обмен информацией с Татьяной Александровной Быковой

(1893–1975), заведующей Отделом редких книг в Государственной Публичной библиотеке имени М.Е.Салтыкова-Щедрина. Профессор регулярно посылал ей запросы, в которых осведомлялся о возможности изготовления микрофильмов нужных ему изданий [36, №9]. Т.А.Быкова посильно помогала ему.

Т.А.Быкова

Так, А.В.Флоровский довольно долго, еще со времени поездки в Стокгольм в конце 1920-х гг., разыскивал небольшую брошюру 1720 г. о Петре Великом (*“Pro memoria pour faire voir combien la puissance du Czar est redoutable”*), принадлежавшую, вероятно, перу шведского сенатора графа Мориса Веллинга (*Maurice Wellingh*), и сумел ознакомиться с ней лишь благодаря Т.А.Быковой.

Профессор в ответ охотно делился своими материалами. Например, в 1959 г. он переслал Т.А.Быковой фотокопии грамматики иезуита Георгия Давида (1690), которую считал первым учебником русского языка для иностранцев, к тому же совершенно неизвестным для исторической науки²¹. Ей же он отправил гравюры с изображением Гангутского сра-

²¹ Об этом букваре, составленном чешским иезуитом Георгием Давидом, находившимся

жения, взятия шведского корабля «Элефант», взятием Саволакского замка, грамоты императора Максимилиана и др. [36, №5, 7, 9, 47].

Общение с Т.А.Быковой, талантливым историком и библиографом, способствовало успеху поисков А.В.Флоровского. Он ясно осознавал необходимость подготовки библиографических и источниковедческих справочников, поэтому приветствовал работы своей ленинградской коллеги в ноябрьском письме 1958 г.: «Благоволите принять мою самую глубокую благодарность за присылку мне описания изданных при Петре Великом книг. С величайшим интересом и большой пользой для себя просматриваю это издание, так ярко отображающее великую и неусыпную энергию царя Петра. Уже давно нужно было повторить и расширить когда-то такую заслуженную работу П.Пекарского и Каратаева и нельзя не признаться, что Вы выполнили это с огромным успехом, потребовавшим столько внимания, сосредоточенности и широты изысканий <...> С особым чувством направляю это письмо в Библиотеку, в которой я последний раз занимался, увы, 45 лет назад» [36, №29]²².

Надежной опорой А.В.Флоровскому в его поисках служил знаменитый справочник Р.И.Минцлова, до сих пор не утративший своей научной значимости [15]. Профессор стремился максимально подробно изучить центральноевропейскую Россику XVIII в., выявить малоизвестные или вовсе забытые печатные издания. И вновь он критиковал советских специалистов по петровской эпохе, о чем прямо писал Т.А.Быковой: «Конечно, редакция "Писем и бумаг" не дает библиографического описания обнаруженных ею печатных изданий и вместе с тем недостаточно внимательна к печатным текстам, упуская порою даже заглянуть к Минцлову, что в некоторых случаях прямо вредит делу» [36, №11]. Саму Татьяну Александровну советы, рассуждения и замечания профессора привлекали, ведь в фондах ленинградских библиотек отсутствовали многие издания Россики, указанные пражским профессором. Впрочем отсутствовали и работы ученых-эмигрантов, включая его самого [36, №7, 10]. В той же Публичной библиотеке имелись лишь двухтомная монография о чехах и восточных славянах и книга о русско-чешских торговых отношениях²³. Об-

долгое время с миссией в Москве, А.В.Флоровский писал еще в конце 1930-х гг. [44], а затем, на основе новых сведений, обобщил известные ему данные [27].

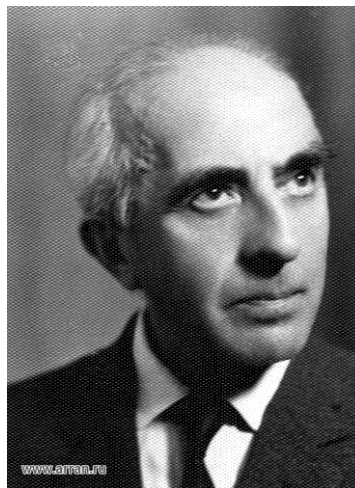
²² Очевидно, что А.В.Флоровский писал об издании: [6].

²³ Вероятно, имеется в виду книга: [42].

суждая с Т.А.Быковой свою книгу о чешских иезуитах [43], он с некоторым недоумением заметил: «Я не ожидал, что в СССР осталась совсем или мало известной эта моя работа...» [36, №9].

А как складывались взаимоотношения А.В.Флоровского с непосредственными участниками группы по изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого»? На основе сохранившихся архивных источников можно сделать вывод, что с Н.А.Баклановой, П.П.Епифановым, Е.И.Заозерской он не общался. По крайней мере, ни одного письма от них к А.В.Флоровскому не сохранилось. Его обращения к ним также неизвестны. Мы также ничего не знаем о его попытках возобновить общение с А.И.Андреевым в 1950-е гг. Свидетельств тому в архивах пока обнаружить не удалось. Но нет сомнения, что за его научной работой А.В.Флоровский внимательно следил, и о своем советском коллеге не забывал. Во всяком случае, в частых письмах к Владимиру Ивановичу Малышеву (1910–1976) в Ленинград пражский профессор несколько раз просил передать А.И.Андрееву привет и наилучшие пожелания [3, д.1560, л.16 об., 19, 20 об., 21 об.]. И именно В.И.Малышев 22 июня 1959 г. напишет в Прагу П.Н.Савицкому: «Кланяйтесь от меня А.В.Флоровскому. Передайте ему печальную весть: 13 июня мы схоронили проф[ессора] А.И.Андреева; умер в возрасте 72 лет от сердца (перегрелся на солнце, у нас были очень жаркие дни)» [41, №4].

Кажется, что отношения А.В.Флоровского с Б.Б.Кафенгаузом, возглавлявшим в 1950-е гг. работу Группы по изданию писем и бумаг Петра Великого, не сложились. В начале июля 1959 г. Антоний Васильевич направил ему письмо, рассказал о своих работах, предложил обмениваться информацией и осведомился о возможности опубликовать свои работы в СССР [2, д.40, л.1–1 об.]. Но послание его пришло в Москву, когда Б.Б.Кафенгауз находился в отпуске, поэтому ответ задержался до конца октября. Сохранившееся письмо советского историка носит предельно официальный

Б.Б.Кафенгауз

характер: «Подготавливаемая Вами новая большая работа по истории дипломатических отношений времени Петра I на основании документов Венского архива, несомненно, вызовет большой интерес. В настоящее время подходит к концу подготовка XI тома "Писем и бумаг Петра I". Таким образом, действительно, мы работаем по общим научным вопросам. Если представится возможность печатания Ваших новых работ, конечно, не замедлю Вам сообщить» [37, №1]. Других сведений об общении А.В.Флоровского и Б.Б.Кафенгауза в архивах не сохранилось. Иное дело другие участники научного проекта.

В 1957 г. А.В.Флоровский по переписке познакомился с Татьяной Корнильевой Крыловой. Есть основания полагать, что их свел В.И.Малышев, с которым пражский профессор состоял в активной переписке с 1957 г. О его любезном посредничестве профессор упомянул в июньском письме 1957 г. [38, №1]²⁴. Именно через В.И.Малышева А.В.Флоровский получил оттиски статей Т.К.Крыловой из *Исторических записок*, которые прежде были ему недоступны [13; 12; 10]. А.В.Флоровский поделился с Т.К.Крыловой своими творческими планами по написанию книги о русско-австрийских отношениях в 1-ю четверть XVIII в. и сообщил, что в настоящее время работает над главами о послепоплавском времени. Он показал хорошее знание советской историографии петровской эпохи и отметил ее сильные и слабые стороны. Например, он покритиковал В.П.Лысцова за игнорирование дипломатических вопросов в только что вышедшей книге о Персидском походе, а Л.А.Никифорова – за малое внимание к англо-русскому дипломатическому противоборству [14; 17]. Коснулся он и нового, 10-го, тома «Писем и бумаг...», вынеся вердикт, что «редакция все же мало обращается к иностранной литературе, где можно – между прочим – найти немало размышлений и дополнений чисто документального характера» [38, №1].

На основании имеющихся документов складывается впечатление, что ответа А.В.Флоровский тогда не получил и повторил свое обращение лишь через пару лет. В январе 1960 г. в редакцию журнала *Исторический архив* на имя Т.К.Крыловой было отправлено следующее послание: «Простите великодушно, что я беспокою Вас этим

²⁴ В описи письмо неверно датировано 1952 годом из-за небрежного написания самим А.В.Флоровским даты. Упоминание в тексте X тома «Писем и бумаг», изданного в 1956 г., подтверждает датировку.

письмом. Но думаю, что в интересах нас обоих наладить хотя бы письменный контакт, поскольку мы работаем в одной и той же сфере...» [38, №2]. А.В.Флоровский сообщал, что от В.И.Малышева получил несколько оттисков ее статей, но некоторые из работ, опубликованных в Ленинграде, остались для него недоступными. В знак уважения профессор послал ей оттиск своей работы о деле О. фон Клинковстрёма [23]. Вскоре, 14 января 1960 г., он получил любезное послание из Москвы, в котором Т.К.Крылова сообщила, что прочла статью «с неослабевающим интересом», «испытывая большое наслаждение от этого маленького шедевра»: «Ваше большое исследовательское мастерство и обширные познания отразились в нем как Солнце в малой капле воды» [38, №3]. Профессор же в ответ направил в Москву свои работы и вновь пожаловался, что многое из написанного советскими историками остается для него недоступным, хотя жизненно необходимо в процессе исследовательской работы. В переписке А.В.Флоровского с Т.К.Крыловой отчетливо слышалась его критика советских историков за слабое знание иностранных источников и литературы. Она была вполне справедливой, и, вероятно, прекрасно осознавалась самими советскими учеными. Та же Т.К.Крылова писала А.В.Флоровскому 12 февраля 1960 г., что ничего не слышала о присланном им журнале *Scando-Slavica*²⁵. Журнал этот, между тем, был на тот момент ведущим славистическим изданием в Скандинавии²⁶.

А.В.Флоровскому явно импонировал подход Т.К.Крыловой, стремившейся вписать петровскую внешнюю политику в общеевропейский контекст, показать широту дипломатических усилий России. Ее исследования он активно использовал, например, считал, что статья о русско-турецких связях в 1711–1714 гг. помогла ему при разработке русско-австрийских отношений [38, №7]²⁷. «Еще раз хочу подчер-

²⁵ «Если Вас не затруднит, сообщите мне, пожалуйста, как давно оно издается, какие цели ставит, и каков состав и размеры его предшествующих выпусков» [38, №5].

²⁶ Он был основан в 1954 г. в Университете Орхуса Адольфом Стендер-Петерсоном (Adolf Stender-Petersen; 1893–1963), видным датским историком, а в прошлом – выпускником Петроградского университета и эмигрантом.

²⁷ Датировка цитируемого письма А.В.Флоровского к Т.К.Крыловой (23 сентября 1960 г.) в описи его личного фонда в Славянской библиотеке в Праге неверна. Архивисты атрибутировали его по нечеткой карандашной приписке рукой самого историка в правом верхнем углу. Однако упоминание статьи Т.К.Крыловой [11] говорит о том, что письмо было

дять, что рад возможности научного общения с Вами, с таким важным представителем исследования по эпохе Петра Великого», – подытоживал он в одном из своих писем [38, №1].

Список сокращений

ИЗ. – Исторические записки.

Международные связи России. – Международные связи России до XVII в.: Сб. ст. / Под ред. А.А.Зимины, В.Т.Пашуто. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

SK – Slovanská knihovna v Praze. Trezor.

Библиографический список

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Ф.134. Оп.3.
2. Архив Российской академии наук. Ф.1609. Оп.2.
3. Отдел рукописей Института русской литературы Российской академии наук. Ф.494. Оп.2.
4. Аксенова Е.П. Из переписки Г.В.Вернадского и А.В.Флоровского // Славяноведение. 1994. №4. С.92–101.
5. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В.Вернадский, М.М.Карпович, М.Т.Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 142 с.
6. Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 646 с.
7. Кафенгауз Б.Б. Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // Международные связи России. С.533–536.
8. Ковалев М.В. Рукопись А.В.Флоровского «Реформы, реакция, революция» в собрании Архива Российской академии наук // Освободительное движение в России. Саратов, 2014. Вып.25. С.132–172.
9. Колеватов Д.М., Мамонтова М.А. Начало «холодной войны». Поворот к изоляционизму в науке // Трансформация образа советской исторической

написано не ранее 1966 г.

- науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. С.66–89.
10. Крылова Т.К. Россия и «Великий союз» // ИЗ. 1942. Т.13. С.84–129.
 11. Крылова Т.К. Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). Сб. ст. / Отв. ред. Л.Г.Бескровный. М.: Наука, 1966. С.410–446.
 12. Крылова Т.К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // ИЗ. 1941. Т.10. С.250–279.
 13. Крылова Т.К. Франко-русские отношения в первую половину Северной войны // ИЗ. 1940. Т.7. С.115–148.
 14. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. М.: Изд-во МГУ, 1951. 250 с.
 15. Минцлов Р.И. Петр Великий в иностранной литературе. СПб.: Издвением И.И.Глазунова, книгопродавца-издателя, 1872. 691 с.
 16. Мошин В.А. Из истории сношений Римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Международные связи России. С.491–511.
 17. Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре. М.: Госполитиздат, 1950. 278 с.
 18. О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. №2. С.3–13.
 19. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т.8. Вып.2. 1180 с.; 1950. Т.9. Вып.1. 526 с.; М., 1952. Т.9. Вып.2. 1620 с.; 1956. Т.10. 870 с.
 20. Сидоров А.Л. Чехословакия. Прага. Октябрь 1946 – февраль 1947 г. // Мир историка. XX век / Под ред. А.Н.Сахарова. М.: ИРИ РАН, 2002. С.425–438.
 21. Сонин А.С. Несколько эпизодов борьбы с «космополитизмом» в физике // Вестник Российской академии наук. 1991. Т.6. №12. С.103–114.
 22. Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки: историографический вестник. 2009–2010. М.: ИРИ РАН, 2012. С.118–144.
 23. Флоровский А.В. Дело О. фон-Клинковстрёма. Эпизод из истории Северной войны 1709–1710 гг. // Scando-Slavica. Copenhagen, 1959. Т.5. S.199–230.
 24. Флоровский А.В. Забытое воззвание Петра I к шведам после Полтавы (1709) // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения. Сб. ст. / Под ред Л.Г.Бескровного. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С.359–362.

25. Флоровский А.В. Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969. С.236–241.
26. Флоровский А.В. Об архиве Карла XII под Полтавой // Полтавская победа: Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. Сб. ст. / Отв. ред. И.Б.Греков, В.Д.Королук. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С.236–244.
27. Флоровский А.В. Первый русский печатный букварь для иностранцев 1690 г. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М.; Л., 1961. Т.17. С.482–494.
28. Флоровский А.В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Praha: Karlova Universita, 1955. 42 s.
29. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне в X–XVIII вв. // Вопросы истории. 1947. №8. С.66–73.
30. Флоровский А.В. Чешско-русские торговые отношения X–XII вв. // Международные связи России. С.61–83.
31. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории / Отв. ред. В.В.Марьина. М.: Наука, 2005. Т.2. 558 с.
32. Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 765 с.
33. Archiv Univerzity Karlovy. F. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy. Kart.18. Inv.č. 206.
34. Bakhmeteff Archive of Russian and European History and Culture, Columbia University. George Vernadsky Papers. Box 32. Florovskii, A.V.
35. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. (Неописанная часть коллекции А.В.Флоровского, документы без инвентарных номеров).
36. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. Krab.III. Korespondence. №29. Bykova, Tat'jana Aleksandrovna, Leningrad.
37. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. Krab.V. Korespondence. №103. Kafengauz, Bergard Borisovič, Moskva.
38. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. Krab.V. Korespondence. №121. Krylova, Tat'jana Kornil'jeva, Moskva.
39. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. Krab.VII. Korespondence. №192. Novosel'skij, Aleksej Andrejevič, Moskva.
40. SK. A.V.Florovskij. T-FLOR. Krab.XXVII. Флоровский А.В. История одной царской грамоты (1705 г.) (Страница из истории русско-польских отношений начала XVIII века).
41. SK. P.N.Savickij. T-SAV. Krab.II: Korespondence. Kart.III. Inv.č. 30. Malyšev, Vladimir Ivanovič, Leningrad. №4.

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

42. Florovskij A. Česko-ruske obchodni styky v minulosti (X–XVIII století). Praha: SPN, 1954. 396 s.
43. Florovskij A. Čeští jesuité na Rusi: Jesuité české provincie a slovanský východ. Praha: Vyšehrad, 1941. 468 s.
44. Florovskij A. Ruská mluvnice českého jesuity r. 1690 // Slovo a slovesnost. Praha, 1939. Roč. IV. №4. S.239–245.
45. Florovskij A. Sovětská historiografie o době Petra I // Sovětská věda – Historie. 1952. Roč.II. №14. S.133–134.

(Продолжение следует)